

**УДК 81'25:821.1-04****Бальмонт глазами западноевропейского читателя: к проблеме поэтического перевода****Егорова Ирина Аркадьевна**

Соискатель кафедры искусств,  
Российский государственный социальный университет,  
129226, Российская Федерация, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1;  
e-mail: silikus@yandex.ru

**Аннотация**

Рассматривается проблема перевода поэтического наследия основоположника русского символизма К. Бальмонта на иностранные языки, в частности немецкий. Некоторые западные литературоведы, к примеру такие, как Илма Ракуза, критикуют стихотворения Бальмонта из-за их малой субстанциональности, возникающей вследствие придания автором огромного значения красоте поэтического звучания на родном языке и стремления разрушить пространственно-временные ограничения. Целью статьи является поиск решения проблемы одностороннего восприятия творчества Бальмонта, влекущее за собой отсутствие гибкости при переводе его произведений. Материалом для анализа послужили стихотворения «Меж подводных стеблей» из сборника «Только любовь» и «Подводные растение» из цикла «За пределы», входящего в сборник «В безбрежности». К исследованию привлечена современная западноевропейская критика; для анализа используются сопоставительный и психолого-литературоведческий подходы.

**Для цитирования**

Егорова И.А. Бальмонт глазами западноевропейского читателя: к проблеме поэтического перевода // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 3А. С. 29-35.

**Ключевые слова**

К. Бальмонт, язык бальмонтовских стихотворений, критика, символ, иностранный читатель.

## Введение

Традиционно в немецкоязычных странах считается, что поэты Вячеслав Иванов (1866 – 1949) и Константин Бальмонт (1867 – 1942) – два важных деятеля так называемого Серебряного века русской литературы. Но если Вячеслав Иванов в поэзии ставил мысль превыше поэтического звучания, то у Константина Бальмонта всё с точностью до наоборот. Более того, Бальмонт – самый мелодичный поэт русского символизма, волшебник чарующего звука, умевший завораживать дивной музыкой слов своих слушателей, в первую очередь Марину Цветаеву.

Тематически импровизируя, Бальмонт всецело ориентировался на аудиальное восприятие, следуя ритмам и мелодике языка, из которых он умел извлекать максимальную звуковую насыщенность. Опубликовав свои поэтические сборники между 1894 и 1905 годами, в глазах молодой творческой интеллигенции тогдашней России он превратился в истинного «царя поэтов<sup>2</sup>», которому стремились подражать, но которого одновременно и любили<sup>1</sup>, и, вследствие недопонимания, ненавидели.

Помимо авторских произведений, немаловажную роль в упрочении поэтической славы Бальмонта сыграла его неутомимая и удивительно продуктивная переводческая деятельность<sup>3</sup>. Как отмечает литературовед и специалист по немецкой и австрийской литературе Е. И. Нечепорук, выполненные Бальмонтом переводы Гейне, Ленау и Эйхендорфа отмечены ярко выраженным индивидуальным стилем. При этом стих переводчика – гибок, лёгок, музыкален, а стиль – романтичен, импрессионистичен, иногда вычурен, но в целом лаконичен и прост<sup>4</sup>.

### Критика творчества Бальмонта, трудности восприятия и перевода на иностранный язык его произведений

Однако индивидуальный литературный почерк Бальмонта формировался в том числе на основе его индивидуалистическо-мистического мироощущения, что и сегодня даёт повод для критики и неприятия творчества поэта.

По мнению переводчика поэзии Бальмонта на немецкий язык Кристофа Фербера, мотивы бальмонтовских стихотворений в основном затрагивают понятия огня и экстаза, а также целостности, основанной на элементарном, анархическом и неограниченно эгоцентричном индивидуализме.

«Целостность, элементарность, анархичность и безусловная эгоцентричность индивидуализма были настоящей визитной карточкой Бальмонта, которого непременно следует рассматривать как одного из самых нефилософских поэтов русской литературы<sup>5</sup>, – пишет Фербер. – К примеру, Солнце как центральная метафора переживает многообразные превращения; то, что оно обладает «ароматом», является частью синестетического искусства восприятия Бальмонта». Действительно, образы и метафоры Бальмонта, его игра аллитераций и рифм всегда подчинены льющемуся русскому языку, его «гибкой, податливой красоте» с гармоничными, скользящими звуками<sup>5</sup>. Недаром многие стихи Бальмонта положены на музыку Рахманинова, Прокофьева и Стравинского. Сюда относятся: романс «Островок» Рахманинова, кантата «Звездолетчик» Стравинского, вокальный цикл Прокофьева «Пять стихотворений К. Бальмонта». Известно, что и Скрябин проявлял живой интерес к творчеству поэта, он хранил у себя дома его стихи и даже говорил, что магическое притяжение его строк посылает ему необходимый импульс для создания музыки.

Швейцарско-словацкая писательница и литературный критик Илма Ракуза, отзываясь об особенностях стихотворений Бальмонта, усматривает в его манере серьёзные недостатки для перевода на иностранный язык. Ракуза утверждает, что любая передача (перевод) красоты языка всё равно может осуществляться лишь в определённых пределах. Таким образом, действенная выразительность творчества Бальмонта имеет свои границы. Ведь за рамками звучности стихи, в которых автор в значительной степени игнорирует характерные для определённого периода времени обстоятельства, оказываются мало субстанциональными. «Позднее великой синергии между формой и содержанием удалось достичь молодому русскому поэту Александру Блоку» – подводит итог Ракуза.

Почему же творчество Бальмонта, при всём уважении к создателю, так оценивается западными литературоведами? И почему, читая Бальмонта в переводе, например, на немецкий язык, невозможно испытать тех же чувств, что при их чтении по-русски?

Дело в том, что стихосложение Бальмонта является не только репрезентацией символизма, но ещё и авторским способом богопознания, в ходе которого поэт через образы, звуки и сравнения<sup>7</sup> постигает также своё скрытое «я». «Тело» его стихов – подобно сфере, центр, или ядро, которой – везде, а окружность, окутанная густой пеленой метафизической проблематики, – столь необъятна, что её не удаётся охватить умственным взором, а можно лишь экстатически прочувствовать или точечно с нею соприкоснуться. Вот почему некоторые считают произведения Бальмонта сущностно обеднёнными, слишком эфемерными и оторванными от традиционной системы восприятия действительности<sup>8</sup>.

В своих стихотворных произведениях Бальмонт старается символически уравновесить противоборствующие и перетекающие друг в друга силы природных стихий и антиномий, однако описываемые им трансформации требуют от (иностранного) читателя особой интуитивно-интеллектуальной гибкости. Например, темы, затрагиваемые в «Подводных растениях» и «Меж подводных стеблей», перекликаются с «Половиной жизни» Гёльдерлина и с «Соловьиным садом» Блока. Но в отличие от двух других поэтов, Бальмонт, рассуждая о море как месте отдыха и забвения, вызывает у читателя замешательство, поскольку не вполне ясна его позиция: по-эллинически положительно или по-декадентски отрицательно он воспринимает море? Справедливо ли будет заключить, что для Бальмонта, морское дно – противоположность суматошливой жизни на земле, а потому пребывание под водой вызывает у него ассоциации с погружением в идеальный мир, лишённый всяческого зла?

В самом деле, создаваемые Бальмонтом символы синтетичны<sup>9</sup>, пластичны и как будто лишены очерченности. Стихийно-эстетический элемент его творчества наполнен образами поэтической материи. Однако общие и специфические черты этих образов зачастую столь тесно переплетаются, что рационально дифференцировать их почти невозможно<sup>10</sup>. Изначальная тема истинной поэзии – жизнь и смерть, – которая, по мнению валлийского поэта Алана Льюиса, очаровывает, завораживает и пугает<sup>11</sup>, наделяет стихи Бальмонта уникальной силой, способствующей не только извлечению из глубин психики скрытых страхов, но и освещению новых, неизведанных для человека путей к примирению с ними.

### **Меж подводных стеблей**

Хорошо меж подводных стеблей.  
Бледный свет. Тишина. Глубина.  
Мы заметим лишь тень кораблей.

И до нас не доходит волна.  
Неподвижные стебли глядят,  
Неподвижные стебли растут.  
Как спокоен зеленый их взгляд,  
Как они бестревожно цветут.  
Безглагольно глубокое дно.  
Без шуршанья морская трава.  
Мы любили, когда-то, давно,  
Мы забыли земные слова.  
Самоцветные камни. Песок.  
Молчаливые призраки рыб.  
Мир страстей и страданий далек.  
Хорошо, что я в море погиб.

К. Бальмонт

**Dort, bei den Pflanzen**

**Там, у растений**

Dort, bei den Pflanzen ist's gut  
Там, у растений, – хорошо.  
Tief ist der Meeresgrund, still;  
Глубоко и тихо морское дно.  
Schwach und voll Schatten das Licht.  
Слаб и полон теней свет.  
Wogen erreichen uns nicht.  
Волны до нас не доносятся.  
Reglos der Pflanzen Gewirr.  
Неподвижны заросли растений.  
Tiefgrün und sorglos ihr Blick.  
Чей взор тёмно-зелен и беззаботен.  
Leidenschaftslos, ohne Laut,  
Бесстрастно и беззвучно  
Wachsen und blühen sie auf.  
Растут они и распускаются.  
Wortlos und tief ist der Grund.  
Бессловесно и глубоко дно.  
Meeresgras bleibt immer stumm.  
Морская трава всегда остаётся немой.  
Liebe und irdisches Wort,  
Любви и земных слов  
Findest du nirgendwo dort.  
Ты здесь нигде не сыщешь.  
Schimmernde Steine und Sand.  
Мерцающие камни и песок...  
Fische, gespensterhaft. – Weit

Рыбы, подобные призракам...  
Von uns Leidenschaft, Leid.  
Далеки от нас страсть и страдание  
Gut, dass im Meer ich versank!  
Хорошо, что я утонул в море.

**Перевод на нем. яз. К. Фербера,  
перевод с нем. яз. на рус. яз. И. Егоровой.**

Ожидание готовых ответов, не предполагающих глубокого интуитивного проникновения в текст, совершенно неуместно, когда речь идёт о ментальном и эмоциональном взаимодействии с творчеством Бальмонта, который в данном случае, многовероятно, пытается донести до читателя мысль, что покой и баланс в душе – хорошо, но отсутствие благих порывов, полное безразличие к происходящему, безучастность и смерть вместо внутренней жизни – плохо. Отсюда получается, что самым главным для Бальмонта является степень выраженности переживаемого состояния, в данном случае – погружения в метафизическую воду и пребывания на метафизическом дне.

Признавая многомерность водного символа в творчестве Бальмонта, профессор Лейпцигского университета, славист Карлхайнц Каспер, тем не менее однозначно приписывает морю из «Подводных растений» отрицательное значение. Как указывает Каспер, с огнем, солнцем, пламенем и светом Бальмонт ассоциировал образ красоты и гармонии, с водой – свою мечту о полной загадок и волшебных сил природе. Основным мотивом сонета «Меж подводных стеблей» (1903) Бальмонт делает море, с его глубиной, подводной мглой, холодом, одиночеством и тишиной. Будучи символически противопоставленными темени, или демонической стихии, подводные растения жаждут любви и тепла. Они грезят о свете и возможности благоухать<sup>12</sup>, чего им не может дать море.

Однако без внимания К. Каспера остаётся самый факт не мертвых, а именно растущих стеблей, свидетельствующих об особом модусе бытия. Ведь Бальмонт охарактеризовывает подводный мир, пребывая в нём и даже сравнивая его с жизнью на суше. Он предаётся ретроспекции и описывает свои впечатления, как будто беря паузу от суеты и готовясь к возрождению в новом качестве. Это неудивительно, ведь Бальмонт всегда стремился быть не просто «наблюдателем» жизни, он жаждал мысленно проникнуть в её тайны и заглянуть под мистическую завесу бытия.

## **Заключение**

В заключение можно сделать вывод, что стихи Бальмонта служат зеркалом, в котором отражаются символы<sup>13</sup> различных последовательно переживаемых аспектов познания мира и себя.

Импровизируя по ходу построения стихотворений, имманентно-трансцендентный творческий гений Бальмонта старался одухотворить всё описываемое. При этом контрарные проявления образовывали целостность, дуальность, необходимую для философского восприятия мироустройства, а мистические нюансы описания становились смыслоопределяющими. Вот почему постижение глубин поэтической вселенной через творчество Бальмонта подразумевает неизбежный отказ от обычной рефлексии и обращение к

интеллектуальной интуиции<sup>14</sup>. В связи с этим для лучшего восприятия и перевода поэтического наследия Бальмонта на иностранные языки уместно прибегать к предложенному Л. Выготским и С. Каганович<sup>15</sup> психолого-литературоведческому анализу, позволяющему постичь богатство формы, смысловую глубину и эстетику поэтического текста.

### Библиография

1. Биск А. А. Русский Париж. 1906–1908 гг. // Современник. – Торонто, 1963. – № 7. – С. 59–68.
2. Бушканец Л. Е. А. П. Чехов и русское общество 1880–1917 гг.: формирование литературной репутации : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013. – С. 20–21.
3. Крылов В. Н. Становление литературной репутации К. Д. Бальмонта // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 57. – С. 230.
4. Немецкая поэзия XIX века / сост. и предисл. А. С. Дмитриева ; послесл. и коммент. Е. И. Нечепорука ; ред. Н. Т. Беляева. – М. : Радуга, 1984. – 672 с.
5. Ferber Ch. Balmont, Unterwasserpflanzen. Gedichte. – Dresden : Edition Raute / Buchlabor, 2012. – S. 3–10 (Vorwort).
6. Rakusa I. Im Zeichen des Lichts // Neue Zürcher Zeitung. – 20.04.2013.
7. Парочкина М. М. Мифопоэтические и фольклорные корни поэзии К. Бальмонта // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – № 28 (249), вып. 32.
8. Егорова И. А. Трактат о форме. – М. : ООО «Издательство "Спорт и Культура-2000"», 2007. – 52 с.
9. Генон Р. Символы священной науки / пер. с фр. Н. Тирос. – М. : Беловодье, 2004. – 33 с.
10. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 18–19.
11. Грейвс Р. Белая богиня / пер. и прим. В. Ахтырской. – М. : Иностранка, 2015. – С. 24–25.
12. Karlheinz K. Manuskripte brennen nicht. Russische Literatur in Erst- und Neuübersetzungen 2012 // Osteuropa. – Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. – Berlin : Berliner Wissenschafts-Verlag, 2013. – Jahrg. 63, Heft 1. – 135 S.
13. Sağıroğlu M. Rus sembolizmi ve Konstantin Balmont. – Ankara : Iskad Publishing House, 2023. – 14 p.
14. Генон Р. Кризис современного мира / пер. с фр. Н. Мелентьевой. – М. : Эксмо, 2008. – 49 с.
15. Каганович С. Л. Обучение анализу поэтического текста : метод. пособие для учителей-словесников. – М. : Русское слово, 2012. – 7 с.

### Balmont Through the Eyes of a Western European Reader: On the Problem of Poetic Translation

**Irina A. Egorova**

PhD Candidate,  
Department of Arts,  
Russian State Social University,  
129226, 4, bld. 1, Wilhelm Pik str., Moscow, Russia;  
e-mail: silikus@yandex.ru

#### Abstract

The article considers the problem of translating the poetic heritage of the founder of Russian symbolism K. Balmont into foreign languages, in particular German. Some Western literary scholars, such as Ilma Rakuza, criticize Balmont's poems for their low substantiality, which arises as a result of the author's great importance attached to the beauty of poetic sound in his native language and the desire to destroy spatio-temporal limitations. The purpose of the article is to find a solution to the problem of one-sided perception of Balmont's work, which entails a lack of flexibility in translating his works. The material for the analysis is the poems "Between the

"Underwater Stems" from the collection "Only Love" and "Underwater Plant" from the cycle "Beyond", included in the collection "In the Boundlessness". Modern Western European criticism is involved in the study; comparative and psychological-literary approaches are used for the analysis.

### For citation

Egorova, I.A. (2025) Balmont glazami zapadnoevropeyskogo chitatelya: k probleme poeticheskogo perevoda [Balmont Through the Eyes of a Western European Reader: On the Problem of Poetic Translation]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (3A), pp. 29-35.

### Keywords

K. Balmont, Balmont's poetic language, literary criticism, symbol, foreign reader

### References

1. Bisk, A. A. Russian Paris. 6–1908 // Toronto: Sovremennik, 1963, No. 7, pp. 59–68.
2. Bushkanets, L. E. A. P. Chekhov and Russian Society 1880–1917: Formation of Literary Reputation. Doctoral Dissertation in Philology. Moscow: 2013, pp. 20–21.
3. Krylov, V. N. The Formation of the Literary Reputation of K. D. Balmont // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2019, No. 57, p. 230.
4. German Poetry of the 19th Century. Compiled and foreword by A. S. Dmitriev, afterword and commentary by E. I. Necheporuk, editor N. T. Belyaeva. Moscow: Raduga, 1984, 672 p.
5. Ferber, Ch. Balmont, Unterwasserpflanzen. Poems. Dresden: Edition Raute / Buchlabor, 2012, pp. 3–10 (Foreword).
6. Rakusa, I. In the Sign of the Light // Neue Zürcher Zeitung. 20.4.2013.
7. Parochkina, M. M. Mythopoetic and Folkloric Roots of K. Balmont's Poetry // Scientific Reports, Series "Humanities", 2016, No. 28 (249), Issue 32.
8. Egorova, I. A. Treatise on Form. Moscow: LLC Publishing House "Sport and Culture-2000", 2007, 52 p.
9. Guénon, R. Symbols of Sacred Science / translated from French by N. Tyros. Moscow: Belovodye, 2004, 33 p.
10. Miletinsky, E. M. Poetics of Myth. Moscow: Publishing Firm "Eastern Literature" RAS, 2000, pp. 18–19.
11. Graves, R. The White Goddess / translated and annotated by V. Akhtyrskaya. Moscow: Inostranka Publishing House, 2015, pp. 24–25.
12. Karlheinz, K. Manuscripts Don't Burn. Russian Literature in First and New Translations 2012 // Osteuropa / German Society for East European Studies. Berlin Science Publishing, 2013, Vol. 63, No. 1, 135 p.
13. Sağiroğlu, M. Russian Symbolism and Konstantin Balmont. Ankara: Iskad Publishing House, 2023, 14 p.
14. Guénon, R. The Crisis of the Modern World / translated from French by N. Melentieva. Moscow: Eksmo, 2008, 49 p.
15. Kaganovich, S. L. Teaching Poetic Text Analysis: Methodological Guide for Literature Teachers. Moscow: Russian Word, 2012, 7 p.